

Вечное возвращение

В НЕДАВНЕЙ телевизионной передаче Борис Александрович Покровский несколько раз подчеркнул, что Большой театр — это храм и с его неписаными законами нельзя бороться. Нужно пытаться сделать его живым, но принимать существующие в нем законы как данность.

При этом сам Покровский во все времена только тогда и делал этот театр-храм живым, когда боролся с его неписаными законами. Вам нужна торжественность парада на Красной площади? Бац! «Игрок», в котором все ходит ходуном! Вам нужен жирный вокал? Бац! «Обручение в монастыре», где стихия музыкальной игры кого хочешь собьет с ног! Вам нужен императорский театр? Бац! Обреченная на провал «Млада» сводит всех с ума эстетскими кунштюками.

И кто вообще может предсказать, что делает театр живым? Любой храм, конечно, хранит в своих освященных стенах возвышенную атмосферу, но истинной, живой энергией его наполняет то веское слово проповеди, то вдохновенный голос из хора, то особенный взгляд среди молящихся.

По радио недавно передали запись оперы Римского-Корсакова «Царская невеста», ранее репрессированной из-за участия в ней «отъезжантки» Галины Вишневской. Две «звезды» Большого — Вишневская и Ирина Архипова — 20 лет назад не стеснялись так мощно раздвигать привычные рамки образов, что сегодняшнему слушателю их пение дает намного больше, чем любой псевдоживой спектакль. Вместо пискливой и фригидной Марфы, без которой ни одна «Царская» не обходится, Вишневская с ее насыщенным страстью голосом рисует если не эротоманку, сосредоточенную на красавце Лыкове (голос Атлантова позволяет это), то во всяком случае чувственную, погруженную в предчувствие экстаза дочь Евы. Потому, и сойдя с ума, она постоянно возвращается к фигуре любимого, словно вагнеровская Изольда выглядывает из-за плеча Вишневской. Архипова, напротив, снимает в своей Любаше какую бы то ни было сосредоточенность, вальяжность, размазанность. В ее героине уже в самом начале все выжжено дотла, сатанинский пыл Саломеи, мрачная мстительность оскорбленной Брунгильды живут в этой Любаше, иступленно про-

Независимая газета. — 1993. —

5 янв. — с. 7.

поведущей зло. Обе певицы невольно напоминают о вагнеровских пристрастиях Римского-Корсакова. И рождают перед нами зрительные образы, укорененные в русском модерне: кокошник если и мелькнет, то скорее как краска, оттеняющая сумрачный блеск глаз, типичный для рубежа веков.

А на подмостках театра-храма сегодняшние «звезды» Большого в день открытия фиктивного фестиваля «Русская зима» стараются вдохнуть жизнь в священное пространство. И, несмотря на то что гала-концерт, кажется, готовился без особой тщательности, иногда им это удается.

Потому что «звезды» есть «звезды», тут уж ничего не попишешь. Зураб Соткилава вместе с великолепно звучащим голосом приносит на сцену возбуждение сенсационного спортивного события, и его фермата вызывает то же ликование, какое бывает при точно забитом голе. Маквала Касрашвили в запетой и до отворачивания сентиментальной арии Чио-Чио-сан концентрирует свой голос в подобие роскошного итальянского неба с его сочностью и глубиной, доводит музыку до энергетического взрыва. Евгений Нестеренко хоть и без конца гримасничает, пытаясь выжать из своего лица максимум выразительности, берет нас в плен мастерством своего пения. Даже дурная игра не мешает: голос Нестеренко меняет тембральную окраску по желанию мастера, и слушать такой изощренный вокал — большое удовольствие. Елена Образцова дарит нас порывом доброты в арии Лауретты, дразнит прихотливым французским ажуром в отрывках из «Кармен». Непонятно, простите, что делает на этом концерте Тамара Синявская. Оборву свою фразу, чтобы не обидеть эту симпатичную женщину.

«Звезды» возвращаются из своих зарубежных поездок — и стены Большого театра всматриваются в них, еще очень даже способных сделать театр вновь живым. Ходят слухи, что в будущем сезоне великий Джорджо Стрелер поставит в Большом «Аиду». Может, нам показали будущий состав звездного зрелища? Может быть, Большой — не только храм, но и бродилище тоже?

Алексей ПАРИН